

ПРИНЦИП ТРИКСТЕРА

«Переворачиваю весь мир»

АННОТАЦИЯ Всемирно известный клоун Слава Полунин стал гостем «Ректорий» и рассказал о том, как живут дураки и как учиться так, чтобы не учиться. Встреча прошла в рамках проекта СберУниверситета и Школы антропологии будущего РАНХиГС «Ректорий».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Слава Полунин, «Ректорий», обучение через игру, трикстеры.

DOI 10.22394/2078-838X-2022-1-12-19

«Дурак переполнен счастьем»

Слава Полунин [СП]: Почему я согласился на эту встречу? Во-первых, потому, что у меня тоже Академия. Академики должны дружить. Во-вторых, всю жизнь я двигался мимо слова. Например, мне не важно, на каком языке идет фильм, а 90 % моих книжек — с картинками. Конечно, мне очень интересно, как ухитриться согласовать литературу и визуальное выражение. В-третьих, трикстеры, дураки — это моя любовь. Все мои библиотеки, а у меня их очень много, просто напичканы образами праздника, карнавала, глупости, абсурда и т. д.

Как поступить в Академию?

СП: Никто не знает, как туда поступить. Это все случайно происходит. Кто-то сдает экзамены, диссертацию защищает. Например, была шикарная защита по теме «Одиночество непарного носка в истории цивилизации». Кто-то совершает огромную глупость и, конечно же, тут же оказывается в Академии. Кто-то пытается поступить по пятьдесят лет.

Сто человек вошло в Академию за 30 лет. Например, от Франции — Луи де Фюнес, Пьер Ришар, Жером Дешам, от России — Жванецкий, Норштейн, Гребенщиков, Остер и еще множество замечательных людей, которые ценят и любят то, что называется праздничной жизнью.

Сейчас мы выпускаем «Главные постулаты Академии дураков». Издание весит десять килограмм, и возим мы его на колесиках.

Александр Асмолов [АА]: Один из критериев экзамена — это глупость, которую не переплюнешь. А кто стал чемпионом по не переплюнутой глупости? Или все академики были мастерами в этом замечательном жанре?

СП: Нет, они тренируются. Потому что нельзя просто стать академиком на всю жизнь. Нужно обязательно доказывать: ты все еще можешь переплюнуть все, что можешь.

АА: Слава, мы с вами не раз обсуждали принцип трикстера. В свое время замечательный математик Юрий Манин написал, что в ситуации «пан или пропал» коллектив всегда выбирает общую, конформистскую линию поведения, а трикстер или мифологический плут, как правило, действует более рискованно и непредсказуемо. Когда вы создаете свои замечательные работы, вы так или иначе следуете этому «принципу трикстера»?

СП: В свой первый театр я набирал артистов симпатичных и гармоничных. А потом я перестал интересоваться ровненькими, стал искать тех, в ком странности побольше, кто неожиданным путем выражается. В конце концов жизнь моя пришла к тому, что я всегда выбираю самое неожиданное, странное и необычное, а потом уже смотрю, оно действительно того стоит или это просто случайность.

Но вот люди, которые приезжают ко мне на мельницу¹, говорят, что видят вокруг другой мир. Например, посреди реки плывет окно, и через него можно смотреть в глубину. Или по реке плывет туман — его делают специальные

¹ «Желтая мельница» — поместье и творческая лаборатория Славы Полунина в пригороде Парижа.

машины. Я разыскиваю в ежедневности неожиданные черты, и они открывают какие-то другие пространства.

Дураком нужно родиться или можно им стать?

СП: Уверен на 100 %: так же, как нет людей без талантов, нет и людей без дурака внутри. И все хотели бы время от времени отпустить своего дурака на свободу. Раньше-то красота была: на карнавалах каждый ухитрялся выдавать колленца, которые у него внутри накопились. Дурак спрятан внутри у всякого, даже у самого умного человека. Он там просто заперт сидит. Если мы рождаемся с дьяволом и богом одновременно, то один из них сидит на левом плече, другой на правом, а между ними затесался дурак. И ему тоже надо время от времени уступать место. Мы-то просто тренируемся ежедневно в дурацких поступках: петь, плясать, танцевать, насвистывать, подпрыгивать. Такие у нас признаки счастья. А дурак переполнен счастьем.

«Ухитриться жить радостно»

Иосиф Бродский в свое время сказал, что поэзия является невероятным ускорителем сознания и очень мощным когнитивным инструментом. Он говорил, что поэзия — это наше эволюционное преимущество и наша специфика как высшего пока что биологического вида. Я к чему это веду? К тому, что поэзия может пробить стену вербальной рациональности, что вещи, сказанные языком, могут быть переведены в другой код. Слава, можете ли вы воспользоваться тем, что создает поэзия, чтобы перевести это на визуальный язык? Вы ведь, наверное, можете изобразить, например, мандельштамовский «звук острого и глухого плода, сорвавшегося с дерева»?

СП: Конечно, но только вы поймете совсем другое. При переводе потеряется этот смысл и придет другой. Я совершенно не против литературы и выражения через слово. Я просто о том, что оно заполнило все и не дает другим возможностям смысла открываться. То есть даже

Слава Полунин и Александр Асмолов

много на себя взяло. Конечно же, поэзия — это мое удовольствие. И поэтому Олейников, Хармс, Григорьев — мои любимцы, я их читаю, перечитываю, рассказываю друзьям... И, конечно, сюрреалисты, заумники — это поле для меня. Просто море удовольствия в этом находится.

АА: Мой учитель Алексей Леонтьев говорил, что пластичное искусство, искусство мима — это уникальная возможность передачи смысла. Куда труднее, говорил он, писателю — ему все время надо в своем искусстве прорываться к смыслам. Немного легче, говорил он, поэтам, им помогают ритмика и музыка. И, конечно, у художников и музыкантов тоже есть свои пути трансляции смыслов и передачи главного, а именно победы смысла над значением. Поскольку смысл всегда богаче, шире, к нему вся мерность лингвистических параметров не подходит. Поэтому мы отчетливо понимаем, что для вас, когда вы сказали, что слово слишком много на себя берет, это невероятно важно. Вместо нашего скучного слова «лингвоцентризм» мы говорим об огромном количестве пространств невербальных коммуникаций — они, к сожалению, остаются за рамками монологического языка школы, и в том числе высшей школы. Они есть только в детском саду, в этом уникальном мире, где присутствует огромное количество небылиц, с которых все начинается, где ребенок понимает смыслы, не понимая слов. Корчак всегда говорил: «Ребенок сначала улавливает смысл, а потом уже появляются слова». Вы же ищете ходы, где те или иные смыслы транслируются прямо.

Мог ли Леонардо да Винчи стать дураком — и академиком вашей замечательной Академии дураков?

СП: Он сильно отличается от обычного человека, поэтому явно дурак, но все-таки мы ищем дураков радостных. Нам нужно, чтобы человек ухитрился радостно жить на этой планете, для радости не приспособленной.

Как вам кажется, чтобы выпустить внутреннего дурака, нужен ли тот, кто его поймает? Вот на карнавалах, мистериях всегда много народу, все чуют друг с другом.

СП: Я думаю, что минимум необходимы три дурака для того, чтобы вообще это кому-то было нужно и чтобы это было по-настоящему. Умные стараются жить в одиночку, а дураки сбиваются

в стаи. Им бы собратиться да погулять вместе, да поплясать, да поорать, да песни попеть, да рассказать глупости всякие. Дураки очень общительные. Я в молодости был очень замкнутым и тихим, но в конце концов моя любовь к дуракам, к праздникам заставила меня измениться. И сейчас я, хоть и стараюсь все время спрятаться куда-нибудь в уголок и не высовываться, но все-таки, как только слышу песню или звон бокалов, сразу тут как тут и ору круче всех.

История с дураками удивительна с точки зрения того, что сказал Федерико Феллини: «Настоящий дурак или настоящий клоун пробуждает в людях жажду жизни». Прачка хватается за стирку, художник хватается за кисти, а пьяница за бутылку, и все живут в полную силу так, как они умеют.

Почему высокие руководители так боятся показаться дураками?

СП: Ну, наверное, потому, что заслужить уважение на каждый день не так-то просто, и приходится удерживать его чисто символическими путями. Потому что не всегда есть хорошее настроение, не всегда правильная мысль посетит и верное решение найдется. И поэтому неуверенный человек постоянно ищет какие-то подпорки, которые помогают ему удержать статус, чтобы не развалилось то дело, которому он служит. А дураки — они как атомные станции. Они не экономят электричество. У них намного больше энергии и жизни, чем нужно. Они не заботятся о статусе, потому что все равно заполняют любое пространство. Дурак, вошедший в комнату, оставивает все процессы, кроме радости жизни.

«Перевоорачиваю весь мир»

Как вы оцениваете место дурака в обществе?

СП: Люди искусства все время расширяют возможности языка. Что-то было запрещено, что-то считалось неприличным, что-то считалось неправильным, а потом они потихонечку то одну область захватывают, то другую. Можно ли дураку более широко оказаться в этом свете? Можно. Сегодня уже можно. Сегодня уже сказано, что мы уже расширились до таких границ, что дальше некуда. Так дайте дураку немножечко места, он очень много где может пригодиться. Вообще, для чего наша Академия появилась? Все люди

стремятся к счастью, но очень часто у них не получается его достигнуть. А дураки отчего-то ну все счастливые. Просто у нас этого навалом, так почему бы не поделиться? Все счастливые дураки хотят хоть немножечко рассказать друг другу, как они живут. Дураки делятся счастьем легко и в компанию принимают совершенно без всяких забот. И поэтому понятно, что дурацкое наше счастье должно более широко раскрываться этому миру.

Мне сейчас лет 10, и я не собираюсь взрослеть, умнеть, получать статус... И бизнес, кстати, не страдает. У меня дурацкий бизнес, он фантастически развивается и захватывает 52 страны. Думаю, что все-таки стоит заглянуть к нам туда, на огонек наш веселый, и посмотреть, нет ли там чего, что может пригодиться.

АА: Вы сказали одну вещь, которая полностью соответствует тому, что разрабатывается нами при анализе эволюции сложных систем. А именно: сложные системы отличаются тем, что они имеют принцип избыточности. И еще Шекспир говорил: «Чем бы человек отличался от животного, если бы ему нужно было только необходимое и ничего лишнего?» Дураки, как вы сказали, не экономят на электричестве, а делятся своим счастьем. А мы же все время оптимизируем, сокращаем, делаем жесткие алгоритмы и тем самым сами себя загоняем в частокол самой сложной колеи — колеи собственного ригидного мышления. Можно ли научиться быть дураком?

СП: Да нет, все очень просто. И я думаю, что любой человек это знает, но, наверное, трудно это применить. Ну вот, например, когда мы куда-то движемся... Я бы хотел сказать: «Нам не важна цель». Но это неправда. Нам важна цель, но она не принципиальна, она не главная. Цель намечается, а дальше самое главное — процесс. И процесс, в котором мы находимся, и есть суть того, что мы делаем. А придем мы к цели, не придем — какая разница? Если ты сегодня уже счастлив. Первый принцип — делай только то, от чего внутри дзинькает. Второй принцип — делай только с теми, кого хочешь обнять, и твоя сила увеличится в сотни раз. Если ты делаешь то, от чего дзинькает, с теми, кого хочешь обнять, да еще в том месте, которое идеально... Я иногда по пять лет создаю место, где мог бы начать свое дело. Я сначала перевоорачиваю весь мир, чтобы идеально все вокруг меня произошло. Все элементы должны войти в гармонию,

ДУРАКИ ДЕЛЯТСЯ СЧАСТЬЕМ ЛЕГКО

и тогда нам уже начихать, будет результат или нет. Нам уже хорошо, и это длится бесконечно, потому что это делают люди, любящие друг друга и стремящиеся к единой цели.

АА: Я даже замолчал. Вот это невероятно важно для нас, если мы хотим двигаться куда-то дальше. А когда людей начинают мерить какими-то — как это называется? — КРІ, то тем самым сразу стригут им крылья.

СП: Первое дело — юмор, он смазывает любые механизмы, самые ржавые, самые трудные контакты. Например, у нас никогда никого не ругают за то, что он опоздал. Наоборот, все кричат: «Ура!», потому что в следующий раз опоздавший приносит тортик. Или — у нас на один костюм меньше, чем нужно, чтобы все вышли на сцену. То есть тот, кто пришел последним, сегодня в спектакле не участвует. Дисциплина нам не нужна, потому что работают простые рычажки.

«Есть только праздник жизни»

В мире всегда должно быть место либо идиотизму, либо глупости. Есть планы, как вот это все в школу привлечь, чтобы оно входило уже в обиход нормальный?

СП: Тема школы, которую я ненавижу, в нашей среде дураков очень желанная гостья, чтобы ее обсудить. Поэтому мы ищем всегда, как бы ухитриться научиться — и в то же время не учиться. У меня, например, в театре никто не знает, когда мы репетируем. Никто не слышал и не видел ни разу, как это происходит. Потому что я прячу процесс работы под маской праздника ежедневной жизни. Например, у нас есть «коридорная система репетирования», когда между прочим в коридоре встретились и пошло-поехало. Или на вечеринке мы начинаем импровизацию перед друзьями, раздаем всякие глупые премии... Ни над кем не висит дамоклов меч экзамена, доказательства, обязательства. Слова «работа» не существует, есть только праздник жизни, но мы ухитряемся за этот праздник сделать в десять раз больше, чем другие во время работы. То есть без пота, а все время с хохотом.

Какой был вопрос? А, по поводу школы! Вот у нас одна из школ была, например, — мы в молодые годы приходили в клубы какие-нибудь студенческие и говорили: «Скажите нам несколько слов, и мы сразу поставим спектакль на ваши слова», — и устраивали импровизации, проводили целые вечера импровизаций, мгновенно откликаюсь на то, что дает нам публика.

Потом мы стали делать себе праздники. То есть мы снимали тему экзамена и играли, перебивая друг друга, создавая какие-то сюжеты. А в последнее время я просто стал создавать школы приключений: мы берем пароход и уезжаем на месяц по Волге болтаться неизвестно где. Выходим на берег где хотим и выступаем перед публикой. То есть я обязательно ищу образ, приключение, когда бы не я кого-то учил, а мы вместе куда-то отправились добывать золотое руно.

Так вот, по поводу учеников. У меня в обязательном порядке в каждом моем проекте есть ученик. Но я их никогда не учу. Я запрещаю учиться. Они бегают за пивом. То есть ни в коем случае не надо давать ученику волю, возможность изобразить из себя деятеля. Школа нужна не для того, чтобы добиться от него результатов, а для того, чтобы он нашел свою дорогу. Я открываю голову, остальное он делает сам.

АА: «Школа нужна для того, чтобы он нашел свою дорогу» — это невероятно важные слова. То, о чем вы говорите, психологи называют имплицитным, скрытым обучением. Его так мало и в школе, и в высшей школе. А это совершенно другие возможности, которые действительно могут помочь выбрать направление.

«Создай идеальный мир»

СП: Дураки дуракам рознь, но я люблю именно праздничных дураков. Мы нашли ключик к счастью, и этот ключик называется «творчество».

ПЕРВЫЙ ПРИНЦИП — ДЕЛАЙ ТОЛЬКО ТО, ОТ ЧЕГО ВНУТРИ ДЗИНЬКАЕТ. ВТОРОЙ ПРИНЦИП — ДЕЛАЙ ТОЛЬКО С ТЕМИ, КОГО ХОЧЕШЬ ОБНЯТЬ

Он открывает источник огромных жизненных сил. Например, в моей творческой лаборатории или на моих проектах иногда собираются десятки, сотни людей. Нам надо выполнять много бытовых задач, в том числе дежурить на кухне. И мы говорим, например: «Дежурный делает цветную еду». И начинается уже совсем другое дело. Самое сложное у меня в лаборатории — выгнать всех с работы, чтобы вечером все пошло спать. Этого невозможно добиться.

А бывает ли, что дуракам удается попасть в серьезный научный мир?

СП: Не скажу, не знаю. У меня есть своя среда. Потому что мой принцип: «создай вокруг себя идеальный мир гармонии». Пусть сначала он будет составлять два метра. Потом сделай четыре, шесть метров — сколько потянешь. Я делаю свои маленькие миры, но делаю их много. Всю жизнь они вокруг меня растут. И множество людей в них попадают и с удовольствием в них живут. В большой мир мы не очень ходим. Хотя, если говорить о масштабах, иногда мои «маленькие» проекты включают в себя до ста тысяч человек. Как фестиваль «Караван мира», который я делал, собрав 60 театров Европы.

Что самое важное, по вашему мнению, стоит возвращать и поощрять в ребенке, чтобы он научился быть счастливым?

СП: Все дети уже счастливы. Если бы взрослые им не мешали... Я, наоборот, пытаюсь научить взрослых возвращаться к своим детским мечтам, чтобы выйти опять на дорогу, которую они потеряли. То есть во всех моих спектаклях есть одна главная мысль: надо вернуться к детской мечте, которая и выводила тебя на счастливую линию твоей жизни. Детям помогать в счастье нужно только одним способом — не мешая.

Что нужно, чтобы применять предлагаемые вами концепции в работе большой корпорации?

СП: Мне очень жалко большие корпорации. Как они живут вообще? Когда-то я ходил в Cirque du Soleil поучиться бизнесу, и, конечно, я разобрался, как путем делается реклама, устраивается система, но, думаю, и они многому у меня научились. Потому что потом они пришли ко мне и спросили: «А как сохранить жизнь производству искусства? У нас производство

умирает через десять лет, а у тебя живет тридцать и почему-то с каждым днем молодеет». Огромным корпорациям очень-очень сложно сохранить человеческие связи. Cirque du Soleil сейчас распался. А это был лучший цирк в мире.

Не знаю, каким путем, но нужно ухитриться в больших корпорациях устраивать маленькие оазисы. Я, например, посмотрел, как Pixar делает свои мультфильмы. Удивительным образом! У каждого художника создан свой мир, капсула. Обязательно в больших корпорациях должны быть такие капсулы.

Должен быть обязательно баланс: как добиться цели — и как при этом остаться в гармонии и счастье. Я всегда очень внимательно слежу, чтобы ни в одну сторону меня не перевесило.

Однажды мне предложили отдать моего ребенка, «Снежное шоу», на Бродвей, на сто лет вперед. Взять деньги и идти отдыхать. Естественно, глупость какая-то: разлучить меня с моим ребенком, и будь счастлив как хочешь. Тогда я не пошел на этот Бродвей, но позже вернулся на него с другой стороны и спокойно на нем нахожусь. Уже тысяча моих спектаклей прошла на Бродвее, но ни в одном не разрушена суть, гармония.

Корпорации могут сделать намного больше, чем небольшая компания, но маленькая компания знает, как сохранить атмосферу живого творчества.

«Дурак всех любит»

По вашему мнению, система высшего образования в мире учит чему-то полезному в плане движения по праздничному пути?

СП: Ну, на этот вопрос трудно ответить. Но вот я сначала учился экономике, потом культуре. Идеально для меня — но я выродок, я оболтус, живущий особым способом, потому что вместо того, чтобы отучиться в университете пять лет, я учился пятнадцать, но зато так, как я хочу. То есть я потратил на десять лет больше, чем принято, но все-таки нашел свой университет

ШКОЛА НУЖНА НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДОБИТЬСЯ ОТ УЧЕНИКА РЕЗУЛЬТАТОВ, А ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОН НАШЕЛ СВОЮ ДОРОГУ

в этом мире. Я параллельно с институтом ходил в библиотеку. В Питере есть замечательная театральная библиотека. Я поселился в Серебряном веке. Самообразование оказалось очень большой силой. Я ходил, например, смотреть немое кино, знал наизусть все фильмы. И я стал высшим специалистом по комической культуре. Благодаря самообразованию я смог взять больше, чем

люди, которые учились в университете, но это случайность, это у меня так получилось. Поэтому я каждый день ходил на спектакли к Райкину и за Марселем Марсо носил чемоданы. Но в наших институтах, и в одном, и в другом, были прекраснейшие педагоги, они дали мне огромное вдохновение, любовь к математическим и экономическим дисциплинам.

В университете самое главное, что мне было нужно, — это праздник жизни среди молодежи. Потому что когда вокруг тебя десятки, сотни молодых людей, много молодой энергии — это огромная сила, она дает на всю жизнь такой толчок, которого я никогда не мог бы в одиночку в моей библиотеке получить. Вокруг меня были ребята просто необыкновенно талантливые. Я столько от них получил знаний, любви. То есть институт как система был для меня очень важен. Но очень важно было и то, что я мог искать свои ниши. У меня-то одновременно еще была студия, где я каждый вечер мог свои актерские возможности развивать.

Можете дать какой-то очень теплый и хороший совет подросткам, которые выбирают вуз?

СП: Много, наверное, разных вариантов есть, и, наверное, каждому типу личности собственные варианты нужно искать. Но вот когда наш младший сын Иван думал, как выбрать свой путь, мы предложили ему одну идею, и она ему очень понравилась. Мы ему сказали: «Два года что хочешь, то и делай. Но принцип такой: ты отправляешь 10 писем самым великим людям, тем, кого ты обожаешь, уважаешь за то, что они делают». Он послал письмо дизайнеру мебели, человеку, который делает керамику, человеку, который делает мультфильмы, и так далее. Он написал им примерно так: «Я

такой-то, хочу стать вашим рабом на полгода. Мне нужен только матрас в углу и кусок хлеба, чтобы не быть голодным. Я буду делать все, что вы мне скажете, в вашем деле, которым вы занимаетесь». И он два года от одного к другому мастеру ездил и жил то в Голландии, то на Бали, то еще где-то — для того, чтобы у мастеров понять, что означает тот или иной вид искусства из тех, что ему очень нравятся. И получилось так, что сейчас у него три-четыре профессии, и он ими занимается. Особенно он любит керамику и делает удивительные просто вещи. Ну, то есть это одна из возможностей, как найти себя.

Какие моральные границы у дурака?

СП: Ну, во-первых, дурак всех любит. Если ты любишь всех людей на свете, ты никому не сделаешь плохо. Вот и все границы.

Какие действия вы совершали, чтобы преодолеть сопротивление и непонимание своего творчества? Что должно измениться в действиях руководителя, на ваш взгляд, чтобы он не впал в странность, а расширял свои границы привычного?

СП: Очень сложно. Но вот однажды я пришел к Аркадию Райкину, который очень ценил мое упорство, и он спросил: «Ты что такой грустный и такой побитый сегодня?» Я ему рассказал: «Ну, вот целый год потратил, ничего не получилось. Провалился наш спектакль. И никому не нужен. В общем, публика разбежалась». Райкин ответил: «И что ты грустишь? Наоборот, считай, что сегодня у тебя один из самых удачных дней. После этого ты уж точно, пока не разберешься, почему это произошло, от себя не отстанешь». То есть ошибки — великолепная школа для роста, для того, чтобы найти решения. Прежде чем я сделал первый свой спектакль, который полюбила вся публика без исключения, сначала был десяток других спектаклей, которые никому не были нужны, кроме нас самих.

«Лучший способ обучения — через игру»

Не противоречит ли идея дурака коллективизму или корпоративной культуре?

СП: У меня все дураки собираются вместе. В принципе, дураки любят компании.

МЫ НАШЛИ КЛЮЧИК К СЧАСТЬЮ, И ЭТОТ КЛЮЧИК НАЗЫВАЕТСЯ «ТВОРЧЕСТВО»

Как, на ваш взгляд, меняется роль трикстера у разных народов в зависимости от времени, эпохи и, может быть, от разницы культурного кода? Наш Колобок — один из самых известных трикстеров, но его съели. Видите ли вы в современной российской культуре яркого трикстера? И какова его социальная роль?

СП: Трудно, конечно, на такие научные вопросы дураку отвечать. Например, раньше все герои были очень конкретные. Белый клоун серьезный, Рыжий клоун безбашенный. А сегодня великие клоуны — десяток найдется просто удивительных — все «размазанные». Они в себе содержат как будто нескольких героев сразу. То есть, наверное, таким путем эти герои приближаются к обычному человеку, просто более концентрированному. Даже я все время пытаюсь разобраться в своем персонаже. Это же не Пьеро? Уже не Пьеро. Это Рыжий? Нет, уже не Рыжий. Он ребенок, философ, лунатик, сумасшедший, нарушитель, и в то же время устремлен к единой цели.

Почему, кстати, клоуны все реже появляются? Потому что другие образы теперь забирают у клоуна его статус. В рекламе стали использовать абсурд. Люди вокруг клоуна уже большие клоуны, чем сам клоун. Поэтому его силу человечество начало применять в совершенно разных ситуациях.

АА: Многие профессии так или иначе начинают использовать элементы клоунады, но передают ли они при этом смыслы? Ведь вы, Слава, сказали очень точно: можно научиться какому-нибудь действию, но вы запрещаете, чтобы кто-то тренировался. Вы всегда начинаете с того, что сами каким-то образом вдохновляете на мотив, на смыслы.

СП: Ну, мне просто скучно жить без постоянного творческого отношения к любому своему действию. Что бы я ни сделал, все вокруг меня должно тут же преобразиться. Куда бы я ни входил, жизнь вокруг меня начинает перестраиваться. Стол должен превратиться в полигон игры, друзья должны обязательно преобразиться. То есть я все время, с одной стороны,

разрушаю стабильный мир, с другой — помогаю ему быть неожиданным, преобразенным в поисках себя нового, в поисках себя неожиданного. А сколько еще хранится в каждом человеке, или в каждой поступке, или в каждом стакане воды, поставленном на стол?

А как вы считаете, детям клоунада в качестве одного из базовых предметов в школе могла бы шире видеть мир и действительно сделать шаг навстречу счастью?

СП: Я теряюсь рядом с детьми. Мне с ними не просто. Я стеснительный человек. А моя жена, например, всегда учит детей через игру, через клоунаду. В это время они настолько активно включены сразу в получение любого знания, любого умения... Это, конечно, идеальный способ для ребенка познавать мир, потому что он обожает истории с несоответствиями. Потому что, когда он видит, что мир неожиданным путем неправильный — для него такая огромная радость, что он это заметил и может в этом участвовать. Не зря книжки Григория Остера, где мир переворачивается вверх ногами, просто фантастически популярны. И я думаю, что, наверное, лучший способ обучения детей — через игру и через абсурдные ситуации.

АА: Вы, Слава, сегодня сказали о том, что многие в мире начинают использовать элементы клоунской жизни: нонсенс, абсурд, парадокс. Это уже выходит за границы того, что было в буквальном смысле профессиональным делом клоуна, трикстера и праздничного человека. Вы знаете, я хочу, чтобы мы почувствовали, что необходим многомерный образ реальности и что у каждого есть свой рояль в кустах.

Очень близко к тому, что мы сегодня говорили, в свое время рассуждал Евгений Замятин в статье «О синтетизме». Он размышлял о том, как вырваться из системы, в которой искусство находится в одном месте, наука в другом, а бизнес — в третьем. Все так поделено, что параллельные прямые Эвклида отдыхают. Вот что пишет Замятин: как сделать так, чтобы мы научились по-общему мыслить — ученые и поэты? «После произведенного Эйнштейном

геометрически-философского землетрясения, — пишет он, — окончательно погибли прежнее пространство и время. Но еще до Эйнштейна землетрясение это было записано сейсмографом нового искусства, еще до Эйнштейна покачнулась аксонометрия перспективы, треснули декартовские оси — и размножились лучами. В одну секунду — не одна, а сотни секунд; и на портрете Горького — рядом с лицом повисли: секундная, колючая от штыков улица, секундный купол, секундный дремлющий Будда; на картине одновременно — Адам, сапог, поезд. И в сюжетах словесных картин — рядом, в одной плоскости: мамонты и домовые комитеты сегодняшнего Петербурга; Лот — и профессор Летаев. Произошло смещение планов в пространстве и времени». Я очень бы хотел, чтобы наши встречи в «Ректории» помогали совмещать несовместимое.

Козьма Прутков любил говорить: «Нельзя объять необъятное». Я могу сказать: «Слава Полунин — чемпион по обниманию необъятного». И вот вы говорили, какой можно предложить принцип, идею: чтобы рядом было все хорошо, чтобы рядом были те люди, которых хочется обнять. Ей-богу, этого так не хватает — чтобы были люди, которых хочется обнять. Слава, скажите, потому что ваше слово должно прозвучать в завершение.

СП: Я бы хотел завершить нашу встречу — и фразу Козьмы Пруткова — словами, которые написаны на монументе Академии дураков: «Невозможно объять необъятное, но успеть поцеловать можно».

THE TRICKSTER PRINCIPLE

Abstract

The world-famous clown Slava Polunin became a guest of the «Rectory» and told about how fools live and how to study so as not to study.

The meeting was held within the framework of the project of the Sberbank University and the School of Anthropology of the Future of RANEPА «Rectory».

Keywords Slava Polunin, «Rectory», learning through play, tricksters.